

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Александр
Галин

Чешское фото

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Александр Галин
Чешское фото

«ФТМ»

1993

Галин А. М.

Чешское фото / А. М. Галин — «ФТМ»,
1993 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Хрестоматийная ситуация – два давних друга, «толстый и тонкий», встретились за душевным разговором о прошедших годах. В молодости оба были фотографами, потом же их пути разошлись из-за «Чешского фото». В этом журнале публиковались снимки, за которые один из них стал в 1968 заключённым. «Вот перед вами Зудин, который первым сказал: у женщины грудь, а не молочные железы!» Смешная и печальная пьеса, в которой смешались бытовые подробности жизни молодых людей в СССР времён поздней оттепели и политические коллизии, напоминающая о том, что пути «большой истории» проходят через судьбу частного человека.

© Галин А. М., 1993

© ФТМ, 1993

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Галин
Чешское фото
Комедия в 2 действиях

Действующие лица

Павел Раздорский.
Лев Зудин.

Действие первое

Ночь на Волге. У набережной старый пароход, превращенный в ресторан. За зашторенными окнами слышна музыка. На одной из палуб элегантно одетый Раздорский. Рядом Зудин, художник, с печальным и одновременно восторженным лицом.

Зудин. И вот еще одна история на ту же тему. Есть тут один... одна наша бывшая саратовская знаменитость, артист Алфимов. Когда-то он играл главные роли у нас в драмтеатре. Ежедневно, по утрам, в воскресенье, в самое благословенное время, своим бархатным голосом, от которого млели женщины и распускались комнатные растения, этот самый артист Алфимов читал по радио цикл передач «Уроки атеизма». Я помню, когда он появился у нас в Саратове, он носил красивейшие волосы, как у короля Людовика... Вы не знаете, что значило тогда позволить себе носить длинные волосы! Когда мы увидели Алфимова с длинными волосами, мы все тогда решили – вот и до нашего Саратова дошла свобода! Избивали его милиционеры за прическу регулярно, в театре умоляли подстричься. Он отвечал – нет! И подстригся! Под полубокс! Под полубокс! Почему? Иначе не получил бы эту самую халтуру. И двадцать лет он стригся только под полубокс. Потом он куда-то исчез. Недавно вижу: пьяный, опухший Алфимов, волосы опять до плеч, как у монаха. Стоит у храма, вещает, как по радио – подайте смертельно больному, ради Господа нашего Иисуса Христа. И вижу, что люди ему подают, и больше, чем другим. Я сам фотограф. Стал разбирать старые негативы и нашел его портрет. Напечатал. Пришел к храму. Подошел к нему. Дал ему мелочь какую-то... Он стал кланяться, креститься: «Дай вам Бог здоровья». А я говорю – а это тебе, Алфимов, на память. Он меня узнал... Лева! Лева! Плачет, сопли текут... И я сказал ему – артист Семен Алфимов, когда-то я снимал тебя на стенд «Лучшие люди Саратова» в прическе полубокс.

Молчание.

Мы с ним выпили, и я сказал ему – ты, Иуда Саратовский, десятилетиями внушал радиослушателям, что жизнь нам дали обезьяны! Макаки и шимпанзе висят до сих пор на деревьях, а тебе подают люди. Представь, подошла бы к тебе обезьяна-горилла? Она бы с тобой поделилась? Лицо человека многих животных напоминает. Как только людей не называют! С кем их только не сравнивают! С быком, медведем, волком! Как говорят? Ах, сучка! Ну-у, змея! Ух, кошка! Или: ну он и козел! Иногда рамку ставишь для портрета, всматриваешься подолгу в лицо человека, и начинает казаться, что вот-вот замычит он или заблеет.

Молчание.

Я думаю, жизнь дали всем одновременно – и обезьянам, и людям, но только люди задали себе вопрос – зачем? Макака войдет в реку и выйдет, а человек вышел и сказал: в одну и ту же реку нельзя войти дважды! Нельзя войти дважды! – это сказал человек. Дважды – нельзя!

Молчание.

Мама рассказывала – папа был немой, а я, видишь, говорю. За себя и за папу. Вот, например, мечтаю – где достать хорошие брюки, и уже заранее думаю – не коротки ли будут мне эти брюки. Это самое страшное, каждую ночь снится один и тот же сон ужасов – купил брюки, а брюки коротки. И уже невозможно что-либо сделать – не из чего отпустить. Стою, и у меня видны ноги!

Раздорский. О чем ты мечтаешь? О брюках?

Зудин. Все остальное у меня есть. Я всегда был равнодушен к брюкам... Я люблю хорошие брюки... И чтобы обувь была к ним нормальных размеров... Не скользила на ноге. Разве это плохо? Но нет! Вообще никаких возможностей нет. Скажи, вот ты сейчас обитаешь в Москве, ты ближе нас всех к власти... Есть ли какая-нибудь надежда, что простому человеку можно будет когда-нибудь приобрести брюки?

Раздорский. Зайдем ко мне в отель – я дам тебе две пары брюк. Они коротки не будут... Там из этих брюк тебе еще и на два пальто хватит.

Зудин. Ты принял мой вопль близко к сердцу? Ты даешь мне брюки со своего... даже не знаю, как в таком случае сказать?

Раздорский. Скажи – с плеча...

Зудин. В Москве некоторые структуры теперь носят брюки от плеч? Подожди... А ремень вы где затягиваете?

Раздорский. На горле...

Зудин. На чем?

Раздорский. Все зависит от вкусов...

Зудин. А гульфик?

Раздорский. Гульфик? Что такое гульфик?

Зудин. У нас в Саратове эту часть одежды иногда называют ширинкой. Как вы пользуетесь ширинкой? Охранники помогают?

Раздорский. Для этого держат охранниц!

Зудин. Нет! Я скажу так: ты даришь мне брюки со своего... бедра!

Раздорский. Побереги желчь – поросенка предстоит переваривать.

Зудин. Пашка, это правда, Пашка? Неужели мы вот так вот, как когда-то, выпиваем и говорим на отвлеченные темы?

Молчание.

Мне грех жаловаться, бывало и хуже – вернулся после тюрьмы сюда, попробовал заняться тем, чем всегда занимался. И если бы мне вот сейчас сказали: Зудин, выбирай – или фотографировать, или на выбор – остальное, я сказал бы – смотрите в объектив, люди!

Молчание.

А твой роскошный вид для меня не неожиданность – ты ведь в молодые годы имел кличку Павлин. По оперению ты теперь настоящий павлин, Павел... Что ты вытворял со своими волосами! Килограмм бриолина в день! – и все для того, чтобы закрепить пробор. Вот итог – на лысине сияет глянец. Нет-нет, этот хмурый дядя все равно похож на того Пашку Раздорского! И все-таки, несмотря ни на что, я повторяю мой главный вопрос – ты доволен жизнью, Павлуша?

Молчание.

Раздорский. Почему с меня капает пот?

Зудин. Мы выпили – и внутри у тебя жарко...

Раздорский. А ты почему не потеешь?

Зудин. Ужас! Я представить себя не могу потным.

Раздорский. Совсем не потеешь? Никогда?

Зудин. Никогда.

Молчание.

Раздорский. Тогда ты не человек.

Зудин. Возможно. В прошлое лето попробовал выйти сюда на набережную – конкуренты меня побили. Разбили всю мою аппаратуру. В это лето вообще убить могут за лишнего клиента. Я их понимаю, теперь в Саратове редко фотографируются. Аппаратура у меня старенькая. Ужас, как дорого сейчас стоит хорошая камера. Ужас!

Раздорский. Хорошая камера... это, имеешь в виду, какая?

Зудин. Не трогай тему, не надо!

Раздорский. А кого тут снимать, Лева?

Зудин. Лично я, Паша, снимал людей. Пред фотографом проходит вся человеческая жизнь. Снимаешь маленького ребеночка верхом на подушке, потом его в ясельках, потом – в детском саду, потом в школе. Жизнь идет – человек приходит сниматься на военный билет и

паспорт, заказывает свадебное фото, и наконец, близкие этого самого человека просят тебя сделать его анфас на фарфор. В овале. И остаются от человека только мои старые негативы. И может быть, никто, кроме меня, его-то самого и не заметил – жил ли он или нет... Знаешь, Паша, совсем недавно дошла до меня простая мысль – фотографии живут дольше, чем люди.

Раздорский. Но фотографии в этом не виноваты.

Зудин. Как официальный нищий без пособия, имею право на следующий вопрос?

Раздорский. Имеешь. Слушай, а где Светка?

Молчание.

Где Светка? Где Светлана Кушакова?

Зудин. Действительно, интересно, а почему моя жена до сих пор не с нами?

Раздорский (*поражен*). Как ты сказал? Жена?

Зудин. Эта леди обещала прийти. Тебе, я думаю, хотелось в первую очередь ее увидеть? Я сказал ей – приехал Раздорский и пригласил нас в ресторан на воде.

Раздорский. Ты сказал, Светлана Кушакова... твоя жена?

Зудин. Да... жена.

Молчание.

Всех твоих жен я не знаю. Я не был на твоих свадьбах. Меня тут одно время девушки Саратова спрашивали: как ваш друг Раздорский мог связать себя узами с такими женщинами и, главное, ради чего? Одна на полвека старше, другая чья-то дочь. Я сказал: не знаю – я не был на его свадьбах. Ну... саратовские наши девушки, конечно, тут передавали из уст в уста, что просто одна страшнее другой... Я пытался тебя как мог защитить... Сошлись на том, что их выбирал кто-то другой вместо тебя. А наши саратовские девочки обречены были уезжать в Египет... Тут египтяне строили кирпичный завод... до сих пор не могу понять, почему именно египтяне.

Раздорский. Наверно, ответили за Асуан.

Молчание.

Зудин. Не обижайся. Здесь про тебя говорили так: первый раз ты женился ради московской прописки... потом ради квартиры в центре, потом тебе понадобилось еще что-то. А счастье они тебе дали в результате, эти жены? Вопрос саратовского маньяка...

Раздорский. Что они мне могли дать? Все, чего я добился, я достиг сам...

Молчание.

Что смотришь, муж?

Зудин. А я ведь помню – до того, как стать рестораном, этот пароход ходил по Волге. Первое его название было «Климент Ворошилов». Жалко, красивый был корабль.

Раздорский. Все тут будет по-другому – пароход этот, Лева, теперь мой.

Молчание.

Сделал в Саратове кое-какие покупки... подумал, а не привести ли мне ресторан в божеский вид?

Зудин. Ты такой богатый?

Раздорский. Не бедный...

Зудин. Понятно. А я думаю, почему это официанты тебя так боятся. А я-то, дурак, обрадовался, думал, Пашка приехал ко мне, вспомнить молодость.

Раздорский. Боятся? Я не заметил...

Зудин. Официант на тебя смотрел, как на торт с кремом. Так и хотел лизнуть... хозяина.

Раздорский. Он тебе не нравится? Так мы скажем, чтобы подавал другой.

Зудин. Другие тут не лучше.

Раздорский. Нам еще покажет ночную программу местное варьете на воде. Будь готов!

Зудин. Слава Богу, оркестр оголодал и наконец-то ушел с эстрады.

Раздорский. Ты заметил, какой у певицы кадык?

Зудин. Кадык? У женщин не бывает кадыков...

Раздорский (*весело*). Бывает-бывает... Такой иногда ходит хрящ, особенно когда особа большой кусок пытается проглотить. Тебе повезло – ты сидел к ней спиной.

Молчание.

Тебе когда было пятьдесят?

Зудин (*весело*). Пятидесяти мне никогда не будет. Я умру юным и молодым. Значит, ты и с этой женой разводишься. Звали как бедняжку, я забыл.

Раздорский. Какая разница! Все они вместе одного имени не стоят.

Зудин. Один мой сокамерник так в этом случае говорил: жизнь – это гниение металла.

Раздорский. Жизнь – это грязь, потом снова грязь и снова грязь, и потом – смерть... И потом опять грязь... опять дерьмо!

Зудин. Ужас! Паша... чьи это речи? Где твое жизнелюбие? Ты получил успех, имеешь удачу! О какой смерти ты заговорил в зрелые годы? Не все так безнадежно!

Молчание.

О чем ты думаешь все время? Какая дума тебя давит, хлопец? Кто, как не старый друг, тебя поймет и утешит!

Раздорский. Поймет?

Зудин. И очень глубоко...

Молчание.

Раздорский. Ты понимаешь, когда от жены уходит, скажем, учитель пения из начальных классов, то никого это не волнует, кроме настройщика, который ей что-нибудь настраивал. Но когда уходит муж, у которого свои дома в Москве, а также банк и много магазинов, то для него это дорогое удовольствие. Или пихать в горло все, что она сможет проглотить, или вернуться.

Молчание.

Дело не в деньгах. Попался на старости лет. Эта жена мне ничего не сделала плохого кроме того, что жила рядом. Лет семь я с ней мирно прожил. Все эти магазины, банк, дома – это ведь ее заслуги. Она вела все дела, а я только пользовал знакомые всем до боли лица. Процентом семьдесят в случае развода она приберет, я это знал, но я на это пошел. Скучно мне стало, Лева. Ты знаешь, золотому тельцу я всегда предпочитал тельце... обычное, теплое...

Зудин. Тельце... бывает и прохладным...

Раздорский. Не знаю, мне как-то больше попадалось тельце с испаринкой... горяченькое...

Зудин. Оно озябшим бывает...

Раздорский. Ты знаешь, Лева, что я не настолько разборчив, как ты. Полеты над бездной уже не часто себе позволяю, и не в Москве, а где-нибудь в Малайзии... Сингапуре. Решил я себе устроить очередной полет. На белом лайнере, по трем океанам сопровождал я женский ансамбль танца, но не как в прежние времена – фотографом, а как главный спонсор, как, можно сказать, отец. Можешь себе, Зудин, представить, какая ответственность давила на грудь – в течение двух с половиной месяцев – пятьдесят балерин и помощник гримера по имени Света, семнадцати лет, с таким ястребиным лицом, как будто она не грим накладывала, а скальп снимала. Было как в песне (*поет*) – «на палубу вышел, сознания уж нет»...

Зудин (*поет*). «Механик тобой не доволен. Ты к доктору должен пойти и сказать – лекарства он даст, если болен»...

Раздорский. Могу тебе сказать, Лева, когда ансамбль подводил итоги, в результате гастролей в целом насчитали семь беременностей. Большую я печаль испытал, когда сошел на индийский берег. Да... приплыли мы, помню... в Индию... Да... в Индию...

Молчание.

Понимаешь, так я вдруг затосковал в Индии о сильном чувстве! Тоже, вроде тебя, зафилософствовал, решал, напрасно или не напрасно дана нам жизнь... В результате обнаружил в себе запас любви и жалости ко всему живому. Захотелось найти незапятнанную, чистую женщину... Назад – летел, ансамбль плыл уже без меня. Прилетел и сразу начал искать. Обошел я министерства и государственные комитеты, навестил учреждения науки и культуры, разные новые офисы, банки и фонды. Лева, что только не требуют теперь дочери человеческие. Одна ломалась-ломалась, никак мне ее не уговорить было. Ответ один – создайте для женщины условия. Ну... я спросил напрямик: чего ты хочешь? Я-то думал, попросит дом... в Португалии... или там какого-нибудь атташе для мужа... Сказала – если говорить серьезно, Павел, мне не хватает крепостного права.

Зудин. А ты?

Раздорский. А какой у меня выход был? Обещал...

Зудин. А сама она какая? На что похожа?

Раздорский. Спина у нее была хорошая... знаешь, как будто провода по ней проложены... спина все время под током. Когда дотронулся до нее – искры посыпались и паленым запахло.

Молчание.

Зудин (*взволнован*). Ты скажи ей, что в Саратове Лева Зудин готов у нее кучером работать. Мой папа был татарин, а татары очень хорошо с лошадьми обращаются. И мама, внучка польского шляхтича, кумыс – напиток степей предпочитала... скажи ей... Лева Зудин – наполовину татарин, готов к ней на облучок!

Раздорский. Усидишь ли на облучке? Ёрзать ведь будешь!

Зудин. Пусть только скажет – милый... запрягай!

Раздорский. Да, новые времена настали. Это раньше помадой или какой-нибудь другой гадостью я сделал бы счастливыми несколько девичьих поколений. Понял: пришла пора спуститься в народ, найти что-то... простое... грубое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.